

В августе семьдесят восьмого меня, двадцатичетырёхлетнего, взяли корреспондентом в "Орловскую правду". Усадили прямо в отдел партийной жизни.

За плечами был железнодорожный техникум, три заочных журналистских университетских курса, пять лет слесарства в локотивном депо, да полгода работы комсомольским секретарём; что оказалось, кстати, самым трудным в моём коротком бытии, поскольку ни одного доброго слова ни я, ни мои собраты-секретари в те полгода не услышали — такова была система, плотно сотканная из накачек, разгонов, низкопоклонства и оров.

В газетном отделе партжизни меня встретил свежий пенсионер Алексей Николаевич Хорошилов. Он в газете отработал несколько десятков лет, отдыхал, а в отдел пришёл помочь редакции в жаркие летние отпуски, когда каждое журналистское перо было на двойном счету.

Увидав новичка, Хорошилов плотоядно улыбнулся и потёр свои узловатые ладони, почему-то вымазанные зелёной.

— Так-так, — сказал, на удивление, весело и дружелюбно; такого тона я в жизни ещё не слышал: жизнь меня выучила мату, как защите от хамства, хамству, как защите от мата, — я только потом понял, что прежде жил и работал в среде жёсткой, как негашёная известь, среди изрядного процента откровенных поллюмпенов, в галстуках и без.

— Так-так, — повторил тонким голосом Хорошилов. — А покажи-ка, парень, что ты умеешь. Принёс небось готовую писульку?

Я кивнул и сунул ему несколько измаранных страниц. Он прочёл первую фразу: "Эти ребята всегда трудятся хорошо".

— Нет, надо писать по-другому.

И дед стёртой зелёной своей рукой стал методично, аккуратно, как по живому, зачёркивать все мои строки и мелко писать над ними. Я сидел напротив, смотрел на это убийство и думал, когда мне употребить свой слесарно-канавный жаргон.

— Вот как надо! — удовлетворённо, будто после сытного обеда, сказал наконец он, возвращая иссиня-чёрные листки. Я прочёл: "Выполняя решения исторического партийного пленума, вдохновлённые поставленными на нём великими задачами по улучшению качества в период развигото социализма, эти молодые строители коммунизма всегда трудятся хорошо, с ускорением, энтузиазмом и маразмом".

— Здорово? — хитро спросил Хорошилов.

— Э... у... — ответил я. — А что такое маразм?

— Ну, это слово можешь вычеркнуть, молодец, что заметил. Остальное неси на машинку, пусть побыстрее печатают.

Я отнёс листки на третий этаж, машинистки, не переставая гротхотать клавишами, с равнодушным любопытством взглянули на мою глупую растерянную физиономию, однако напечатали текст в полчасе.

Я в злобе вычитал его, отдал на подпись Хорошилову. Он принял всё с тем же плутовским выражением, прочёл, подписал, сказал:

— Это статья, Юрик, это статья! А теперь запомни: никогда так больше не пиши.

Я окаменел:

— Как — так? Как вы, или как я?

— И как ты, и как я. У тебя

слишком примитивно, у меня слишком кондово.

Мы помолчали. Он смотрел весело. Я уныло спросил:

— Так что, порвать?

— Зачем? — его глаза за сильными очками казались огромными и странно доверительными. — Завтра сдадим, и пойдёт со свистом! А сегодня сдавать не будем, я уже сегодня одну такую сдал, она уже в номере, если твою сейчас отдадим, и она через час будет в номере, а завтра новую потребуют. Нет, вот завтра твою и отдадим.

вали Алексея Николаевича коллеги-сверстники), мог бесконечно, до ночи, слушать его фронтальные рассказы, то смешные, то жуткие, трагические.

Незаметно наступила осень, а вместе с нею явилась однажды и тётка, обликом много страшней осени. Она вошла, гремя глянжула на нас обоих — и без приглашения подседа ко мне. Я, конечно, выглядел гораздо беззащитней своего ироничного напарника.

— Прошу прочесть, и прямо

положить письмо перед Хорошиловым.

Он как будто только того и ждал (то есть и в самом деле терпеливо, не вмешиваясь, ждал).

— А-я-яй, Иван Иванович! — горестно сказал он, листнув пару страниц. — Я же только сегодня видел в обкоме наградные документы на него! Ну всё, Марья Ивановна, вы совершенно правы, теперь он не только награды и повышения не получит, а загремит из партии, да и с работ...

В общем, гораздо хлеще, чем

Ну, вы такое тоже слышали: "надо подключить к балерине динаму — пуская ток вырабатывает".

Вот, а к Миронову пришёл деятель, придумавший, чтобы коммунисты ходили по улицам с синими погонями, комсомольцы с розовыми петлицами, а несознательные беспартийные — вообще без того и другого.

Красный конник сидел, слушал, багровел, а потом вдруг медленно поднялся и, упершись кулаками в столешницу, громовым голосом гаркнул:

— Иди-ка ты на-три!!

В остальном, повторю, Миронов был полным примером всей редакции, всегда состоял в активе, статьи писал чёткие, выверенные.

Совсем не то, что дядя Филия Харитонов! Тот был самый старший из фронтвиков — и самый, кажется, непутёвый.

Восьмого года рождения, в восьмидесятые он был уже давно на пенсии. В "Орловской правде" работал четыре года, с сорок девятого по пятьдесят третий.

Рассказать о нём надо; чтобы, вопреки расхожему мнению, увидеть, как всё-таки бережно порой относились к кадрам в суровые сталинские годы.

Филипп Дмитриевич имел шесть выговоров! И какие аховые формулировки! "Пытался защитить политически неблагонадёжного человека". "Допустил неточности. Хотя в целом в статье "Нарушители Устава и их покровители" (24.1.53.) факты признаны правильными решением Мценского РК партии и областной прокуратуры. В том, что в статье Б. назван отъявленным жуликом, ничего оскорбительного нет".

Попробуйте сейчас кого-нибудь печатно назвать жуликом! Даже жулика с уголовной статьёй!

"Харитонов перепутал строку постановления о том, что управляющая горторгом З. уволена в соответствии с решением нарсузда (т.е. по родственным связям)".

Попробуйте сейчас куда-нибудь печатно назвать жуликом! Даже жулика с уголовной статьёй!

Попробуйте сейчас куда-нибудь печатно назвать жуликом! Даже жулика с уголовной статьёй!

Попробуйте сейчас куда-нибудь печатно назвать жуликом! Даже жулика с уголовной статьёй!

Попробуйте сейчас куда-нибудь печатно назвать жуликом! Даже жулика с уголовной статьёй!

Фамилии сокращены мною из-за их второстепенности. Сам Харитонов фамилий, естественно, не сокращал. Он писал хлёсткие статьи "Прокурор настаивает...", "Судебная волокита". Но невнимателен был фатально, путал слова и строки, за что ему и лепили выговор за выговором, переводили с места на место. "Для того, чтобы сохранить Харитонина как корреспондента, следует перевести его в другой куст".

В восьмидесятые-девяностые он приносил статьи про лошадиные бега, поскольку любил коней безумно. Прошедший войну в дивизионной газете, имевший медаль "За оборону Сталинграда", дядя Филия был всеобщим любимцем и прежним ужасным путаником. Мы за это покрикивали на него, но вполне мирно. За долгие годы он стал таким талисманом газеты, в летние отпуски редактировал "Компас", участвовал во всех празднествах и мероприятиях.

Такие они были, наши богатыри-фронтвики. Мы их называли "бронтозаврами журналистики", и они охотно и ласково откликались на эти слова. Они знали, что мы их любим. Любить было за что. Их отличали честь и честность.

Юрий ОНОПРИЕНКО.

НАШИ ЛАСКОВЫЕ «БРОНТОЗАВРЫ»

И. К. Миронов.

— Но кондово же, говорите...

— Это то, что надо. С партией говорят, как с женщиной, — на её ненормальном языке, которого она сама хочет. Ты как с девицами беседуешь?

— Нормально...

— Брешешь! Ты им бубнишь: "рыбка, птичка", ведь так? Ну и партии надо постоянно бубнить: "исторический пленум", "великие свершения". Только меру знай, не из одних таких слов весь текст делай.

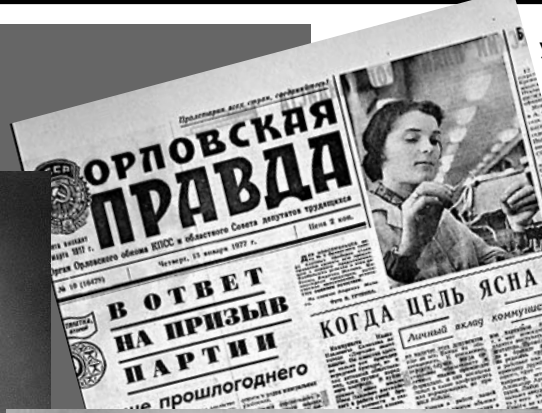
Это был урок! Я старался писать "по-партийному", но он беспощадно вычёркивал высокопарные политические кондовости:

— Говорю: больше так не пиши, лишь вворачивай иногда, через пару абзацев на третий. А то читать тошно. Ищи свои слова, однако тоже не слишком выпендрёжные. Чтوب и понятно было, что "исторические решения", но чтоб и не напугать столоничальников. Они знаешь какие пуганые! Им живое слово — будто вражьи провокации.

Хорошилов водил меня за собой по городу, как какого-нибудь спаниеля и всем встречным приятелям-старикам повторял:

— Бестолковый этот Юрка, так и норовит по-человечески написать. Нет, вытурят его, точно вытурят.

Я уже любил его беззаветно, на зубок знал его прежние фельетоны, подписанные "Х. Алексеев" ("Ох уж этот Хэ!" — приветство-

у классика, где всего только лишь "накрылась премия в квартал".

— Не-не-не! — завопила баба, хватая письмо; боярская шапка её съехала, пот покотился. — Зачем так сразу — с работы?

— А как вы хотели?

Критическая статья в партийной газете да с подписью самого близкого человека — это смертный приговор аморальному коммунисту.

Бабу как ветром сдуло.

В редакцию приходит народ самый разный. Большинство за помощью, обойдя сначала десяток инстанций, бесполезно и униженно. Таким журна-

листы всегда старались и стараются пособить.

Но время от времени приходят обыкновенные болтуны или одержимые. Этих наши фронтвики чуяли за версту. И обходились с ними без церемоний.

А. Н. Хорошилов.

при мне, — сказала тётка, кладя на стол увесистую тетрадь.

О, это были не стихи — самое скучно-тоскливое, что я познал с годами. Это была и не благодарность какой-нибудь врачихе, тоже любимый жанр неуёмных авторов. Это был пасквиль на мужа!

В том возрасте я, естественно, ещё не ведал, что о муже можно говорить, а тем более писать с такой ненавистью. Я вообще не понял ни строчки, кроме того, что муж изрядный железнодорожный начальник, но его надо пропесочить на партбюро за бабство, пьянство, и просто так, из тёткиного хотенья.

Баба сидела в дорожке потной шапке, сверлила меня мертвенно-щучьим взглядом и знала, что я, молодой пескарёк, никуда не денусь, пообещаю письмо опубликовать. Но я после полу часового чтения и последней строки "требую письмо не отфутболить, а то меня уже отфутболили и в парткоме, и в райкоме" нашёл силы подняться и молча

Иван Константинович Миронов был само добродушие и сдержанность. Красный конник, написавший повесть о Серафимовиче, имел в трудовой книжке одни поощрения и благодарности. Большой, кражистый, ни разу ни на кого не повысил голоса, воспитанный, вежливый; с нами, молодыми, общался с каким-то подчёркнутым, но вполне искренним почтением, мы это прекрасно чувствовали.

И вот к Миронову зашёл некто. Из тех, что носятся с идеями. Они могут часами рассуждать о том, что хорошо бы велосипедистам кататься по городу не просто так, а в ходе катанья захватывать на почте газеты да и развозить их добрым людям по домам.